

УДК 323.1

**«ОКРУГ НОВОГО ТИПА»:
РЕГИОНОГЕНЕЗ И ДИНАМИКА
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ¹**

В. А. Авксентьев<https://orcid.org/0000-0003-0762-3529>

*Федеральный исследовательский центр «Южный научный центр РАН»,
Ростов, Россия,
e-mail: avksentiev@rambler.ru,*

DOI:10.14258/ssi(2020)2-02

Образование в 2010-м г. Северо-Кавказского федерального округа существенно изменило пространственную конфигурацию Юга России, закрепив сложившийся в постсоветский период раскол на модернизирующийся Запад и традиционалистский Восток. СКФО задумывался как «округ нового типа», и ставилась задача изменить ситуацию на Северном Кавказе путем глубинной экономической реконструкции. За десятилетний период существования округа ситуация на Северном Кавказе стабилизировалась, значительно сократились проявления терроризма и экстремизма. Этнополитическая напряженность уменьшилась, и сегодня нет оснований продолжать идентифицировать ситуацию в регионе как затяжной этнополитический кризис. Главную роль в стабилизации этнополитических процессов сыграли «силовики», гораздо меньшую — экономические преобразования. Достигнутые позитивные результаты не являются необратимыми, о чем свидетельствует обострение этнополитических процессов с осени 2018 г. Северный Кавказ по-прежнему должен быть определен как регион приоритетного внимания государства на доктринальном уровне. Регионогенез на Юге продолжился. Выделение Северо-Кавказского макрорегиона в границах СКФО в принятой в 2019 г. «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.» зафиксировало новый пространственный образ Северного Кавказа и сохранило социокультурное размежевание между модернизацией и традиционализмом. В контексте нового этапа регионогенеза необходимо укреплять экономическое, социальное и культурное взаимодействие в рамках двух макрорегионов — Южного и Северо-Кавказского, развивать межрегиональные проекты и формировать общее экономическое и гуманитарное пространство «Большого Юга».

Ключевые слова: этнополитические процессы, Северный Кавказ, федеральный округ, макрорегион, геостратегическая территория

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, гр. проекта ААА-А-А19-119011190170-5.

“A NEW TYPE DISTRICT”: REGIONAL TRANSFORMATION AND DYNAMICS OF ETHNO-POLITICAL PROCESSES IN THE NORTH CAUCASUS

V.A. Avksentev

<https://orcid.org/0000-0003-0762-3529>

*Federal Research Centre the Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Rostov, Russia,
e-mail: avksentevv@rambler.ru,*

The article analyzes the role of the North Caucasus Federal District (NCFD) in stabilizing the situation and consequent regional transformations in the South of Russia. The formation of the NCFD in 2010 has significantly changed the spatial configuration of the South of Russia. The NCFD was conceived as a “new type of district”, whose goal was to change the situation in the North Caucasus by means of deep economic reconstruction. Over the past decade, the situation in the North Caucasus has been stabilized, the manifestations of terrorism and extremism have become much less numerous. Ethno-political tension decreased, and there is no reason to continue to identify the situation in the region as a protracted ethno-political crisis. The main role in stabilizing the ethno-political processes was played by the “siloviki”, while economic changes had a much smaller effect. Regional transformations in the South continued at the end of second decade of the 21st century. The formation of the North Caucasian macroregion in the context of the “Strategy for Spatial Development of the Russian Federation for the Period until 2025” adopted in 2019, fixed a new spatial image of the North Caucasus and preserved the socio-cultural demarcation between modernization and traditionalism. Broad economic and humanitarian cooperation within the boundaries of two federal districts and two macro-regions — the Southern and the North Caucasian — and the formation of a common economic and humanitarian space of the “Greater South” would contribute to the solution of these problems.

Keywords: *ethno-political processes, the North Caucasus, federal district, macro-region, geostrategic territory*

Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) был создан в январе 2020 г. и задумывался как «округ нового типа». СКФО был выделен из Южного федерального округа в период резкой эскалации напряженности и террористической активности. Десятилетний период работы округа позволяет сделать выводы об эффективности избранной модели обеспечения безопасности в одном из наиболее проблемных регионов России. За прошедшие годы жизнь на Северном Кавказе стала намного более устойчивой, с каждым годом снижается количество событий террористической направленности. Улучшается климат межэтнических отношений, стабилизировались этнополитические процессы, в течение всего постсоветского

периода определявшие «конфликтологический облик» Северного Кавказа. К концу второго десятилетия XXI в. можно констатировать окончание затяжного регионального этнополитического кризиса, и далее нет оснований определять Северный Кавказ как *регион конфликта*.

На федеральном и региональном уровнях звучат утверждения, что проблемы Северного Кавказа в основном решены. Важно выяснить, за счет каких ресурсов удалось повысить уровень безопасности и насколько необратимыми являются позитивные тренды.

При создании нового округа в качестве системного инструмента обеспечения безопасности рассматривалось существенное улучшение экономической ситуации, поскольку именно экономическое неблагополучие, в первую очередь безработица, трактовалось как коренная причина роста экстремизма и терроризма. Совмещение первым полпредом президента в СКФО А.Г. Хлопониным своей должности с должностью вице-премьера обеспечивало большие возможности в решении перспективных и текущих экономических проблем. Заявления полпреда и других руководителей, их деятельность в первые годы работы округа показывают, что региональное руководство рассматривало путь экономических преобразований как наиболее адекватный способ решения накопившихся проблем (Матишов, 2010: 34–35).

Еще до образования СКФО предпринимались попытки системно повлиять на обстановку на Северном Кавказе. К реализации этого подхода приблизился Д.Н. Козак, полпред в 2004–2007 гг. в едином Южном федеральном округе. Его полномочия были существенно расширены через межведомственные федеральные комиссии, которые он возглавлял и, не являясь вице-премьером, содержательно приблизился к этому управленческому статусу. В округе начала складываться система *проактивного, упреждающего регионального антиконфликтного менеджмента*, реализованная уже при создании Северо-Кавказского федерального округа.

Расширение полномочий полпреда Д.Н. Козака предвосхитило законодательно оформленное совмещение А.Г. Хлопониным должности полпреда в созданном в январе 2010 г. Северо-Кавказском федеральном округе и должности вице-премьера. СКФО был создан в период, когда деятельность федеральных округов в масштабах России стала менее заметной и периодически возникали обсуждения целесообразности сохранения этой управленческой структуры. Уже к концу первого десятилетия XXI в. в экспертном сообществе звучали идеи о том, что потенциал федеральных округов исчерпан. Образование СКФО свидетельствовало о том, что федеральные власти не стремились отказаться от округов и считали эту структуру работающей. Тем не менее в декабре 2011 г. спикер Совета Федерации В.И. Матвиенко заявила на заседании Госсовета, что полпредства Президента РФ в федеральных округах себя изжили, и предложила заменить их другими структурами, например, на представительства Минрегиона, и ввести региональных министров по делам территорий¹.

Образование нового округа имело свои положительные и негативные стороны. Положительная заключалась в том, что создание округа послало четкий сигнал

¹ Матвиенко считает, что полпредства президента в округах себя изжили. РИА «Новости», 26.12.2011. URL: <https://ria.ru/politics/20111226/526806055.html>.

обществу: проблемы Северного Кавказа выдвигаются в число приоритетных, требующих концентрации организационных и финансовых усилий, и государство будет предметно заниматься развязыванием «северокавказского узла». Негативная — разделение «большого» Южного федерального округа прошло по ставшему явным к середине первого десятилетия XXI в. расколу южного макрорегиона на модернизирующийся Азово-Причерноморский регион и экономически отстающий восток, в который входили все республики Северного Кавказа. Границы двух округов закрепили этот водораздел между модернизмом и традиционализмом на юге России, который остается заметным и в конце второго десятилетия XXI в.

В течение первых трех-четырёх лет социально-политическая жизнь в СКФО была активной. Созданы общественный и экспертный советы, ставшие публичными площадками для обсуждения актуальных проблем, прежде всего вопросов противодействия экстремизму и терроризму. Были образованы другие общественные структуры, способствовавшие организации социально-политического и культурного пространства. В короткие сроки разработана и утверждена «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года», позднее была принята Государственная программа «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» до 2025 г. СКФО был единственным по-настоящему работающим округом в России, и это во многом обеспечивалось новой системой руководства округом.

На начальном этапе деятельности округа можно говорить о доминировании «экономического романтизма» в подходе к решению северокавказских проблем. Об этом свидетельствует выбор в принятой в 2010 г. «Стратегии социально-экономического развития СКФО до 2025 года» в качестве основной модели экономической реконструкции региона «оптимального» (фактически оптимистического) сценария. Неоправданность столь оптимистических вариантов и чисто экономических методов решения проблем свидетельствовала о том, что «системный рычаг» для снижения этнополитической напряженности выбран не вполне обоснованно (Авксентьев и др., 2014: 121–125). При этом собственно сценариям в «Стратегии...» был предпослан предварительный анализ социально-экономических и политических процессов в СКФО, что было большим достижением социального проектирования.

Главную роль в укреплении безопасности на Северном Кавказе сыграли не «округ нового типа» и не экономическая реконструкция региона, а «силовые», геополитические и внешнеполитические факторы. Во-первых, это успешная деятельность «силовиков», давшая результаты еще в период подготовки к Сочинской олимпиаде. Во-вторых, это острый геополитический конфликт на южном геостратегическом направлении (украинский кризис, воссоединение Крыма с Россией, военные действия в Сирии). Твердость политического руководства страны в отстаивании геополитических интересов повысила легитимность российского государства; кроме того, внешний конфликт понижает значимость внутренних конфликтов и напряжений. Эти факторы снижения этнополитической напряженности не связаны с деятельностью СКФО.

В области экономических преобразований также наблюдалась позитивная динамика, прежде всего в снижении безработицы. Однако достигнутые результа-

ты не изменили в корне экономику региона. Успехи по некоторым экономическим отраслям (строительство, сельское хозяйство), а также по отдельным экономическим показателям (ВРП на душу населения, индекс промпроизводства) не превышают аналогичные показатели по другим депрессивным регионам России, в развитие которых не были вложены такие финансовые ресурсы (Авксентьев, Гриценко, 2018: 82). Вопрос о невысокой результативности финансовых вливаний в экономику региона был поднят на правительственном уровне. Выступая на заседании Совета Федерации 16 января 2019 г. с докладом о ходе реализации госпрограммы «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 г., Министр РФ по делам Северного Кавказа С. Чеботарев отметил, что по основным показателям регион отстает от среднероссийских значений. Министр также отметил, что все эти проблемы можно решить только за счет опережающего развития экономики и социальной сферы¹. Таким образом, задача, поставленная при создании округа, сохраняется. В субъектах Федерации на территории округа реализуются преимущественно самостоятельные проекты, межрегиональных проектов мало.

Осуществленные в 2014 г. изменения в механизмах руководства Северным Кавказом, в частности образование Министерства РФ по делам Северного Кавказа, повлекли корректировки в деятельности полпредства: теперь в его функции входили в основном административные задачи. Фактически это означало конец «округа нового типа». Статус полномочного представителя Президента РФ в округе, как и статус самого округа как политического института, существенно понизился. Была проведена ротация полномочного представителя Президента РФ в СКФО: в мае 2014 г. на эту должность вместо «проектного менеджера» А.Г. Хлопонина был назначен «силовик» С.А. Меликов. Сам факт этой замены можно трактовать как признание политическим руководством страны отсутствия ожидаемого эффекта от избранной модели решения проблем региона — через экономическую реконструкцию.

Эти изменения означали отход от тех принципов системного воздействия на региональный конфликтный процесс, которые рассматривались как ключевые при создании округа в 2010 г. В качестве функций полпредства остались административные рычаги, а экономические преобразования перешли в ведение Минкавказ России. Такое же распределение существует и в некоторых других регионах, например на Дальнем Востоке. Ни один из четырех полпредов в СКФО после 2014 г. и ни один из двух министров по делам Северного Кавказа больше не совмещали свои должности с должностью вице-премьера. В январе 2020 г. было упразднено Министерство по делам Северного Кавказа. Примечательно, что полномочный представитель Президента России в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаев совмещал в 2012–2013 гг. должность полпреда с должностью руководителя созданного в 2012 г. Министерства Российской Федерации по развитию Дальнего Востока (с 2019 г. — Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики), а назначенный в 2013 г. на должность полпреда в ДФО Ю.П. Трутнев продолжает совмещать эту должность с должностью вице-премьера российского

¹ Министр РФ по делам Северного Кавказа Сергей Чеботарев выступил в рамках «правительственного часа». YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N2CigAIV57c>.

правительства. Минвостокразвития России сохранилось в новой структуре правительства страны, утвержденной в январе 2020 г.

Таким образом, происходят заметные изменения в региональных приоритетах российского государства, что проявляется на уровне доктринальных документов. В действовавшей до декабря 2018 г. редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» Северный Кавказ отнесен к регионам, требующим особого внимания государственных и муниципальных органов. Была признана необходимость «дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе»¹. Примечательно, что другие регионы страны в документе отдельно не выделялись. В последнее время акценты в региональных приоритетах смещаются в сторону Дальнего Востока, Арктики и Сибири. Именно развитие Дальнего Востока, Арктики, Сибири обозначены Президентом РФ В.В. Путиным как судьбоносные исторические вызовы, на которые Россия должна достойно ответить. Правда, В.В. Путин также говорит о «всех регионах нашей страны»². В новой редакции «Стратегии...», принятой в декабре 2018 г., Северный Кавказ упоминается наряду с другими регионами — Сибирью и Дальним Востоком — в совершенно ином контексте, связанном с оттоком русского и русскоязычного населения³.

Еще в 2007 г. политическим руководством страны была поставлена стратегическая задача — провести новое районирование России с учетом изменений в экономических приоритетах. Эта задача была озвучена президентом РФ В.В. Путиным на заседании Совета по науке, технологиям и образованию, на котором глава государства отметил необходимость деления территории страны на макрорегионы, что может повлечь изменение границ федеральных округов. В.В. Путин подчеркнул, что нужно определить параметры макрорегионов и на этой основе разрабатывать региональные программы, ориентированные на будущее⁴.

На осуществление этой задачи и ее воплощение в документах ушло более десяти лет. С 2017 г. активизировались прогнозы о новых территориальных изменениях в России. Стимулом к этому стало принятие «Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». В этом документе дается определение понятия «макрорегион», ключевым для вы-

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) // Гарант.ру. URL: <http://base.garant.ru/70284810/>.

² Путин перечислил судьбоносные и исторические вызовы, стоящие перед Россией // Информационный портал Life.ru, 19.12.2017. URL: https://life.ru/t/новости/1071770/putin_pieriechislil_sudbonosnyie_i_istorichieskie_vyzovy_stoiashchiie_pieried_rossiiei.

³ О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666: Указ Президента РФ // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf>.

⁴ В. Путин считает нужным разработать концепцию «макрорегионов РФ» и не исключает, что это приведет к изменению границ федеральных округов // АЭИ «ПРАЙМ», 30.11.2007. URL: https://1prime.ru/politics_economy/20071130/759575609.html.

деления которых являются условия, приоритеты и цели социально-экономического развития¹. Таким образом, на уровне государственных документов возобладала концепция конструируемых регионов, которые выделяются на основе не естественных пространственных границ, а управленческих задач. Из документа следует, что формирование макрорегионов не обязательно должно сопровождаться укрупнением субъектов Федерации, более того, в этом контексте укрупнение субъектов Федерации представляется избыточным. Этим же документом предусматривалась возможность изменения границ федеральных округов, которая уже была реализована в переводе Забайкальского края и Бурятии из Сибирского в Дальневосточный федеральный округ. Фактически, как следовало из текста документа, макрорегионы и федеральные округа будут тождественными друг другу.

В феврале 2019 г. была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». В этом документе понятие федерального округа не используется, ключевым понятием является макрорегион. Сформулированы принципы выделения макрорегионов, предложен их перечень и состав².

Одним из макрорегионов определен Северо-Кавказский макрорегион, полностью совпадающий с Северо-Кавказским федеральным округом. Одновременно выделен Южный макрорегион, также полностью совпадающий с Южным федеральным округом. Таким образом, можно считать завершившимися продолжавшиеся с момента создания СКФО дискуссии о «правильности» его границ, о необходимости реформирования округа, передачи Ставропольского края из СКФО в ЮФО, объединения двух округов. Формально появление в документе стратегического планирования понятия «макрорегион» и отсутствие понятия «федеральный округ» не означает отказа от округов как инструмента управления регионами и не является «управленческой сенсацией». Стратегия издана от имени Правительства РФ, а руководство федеральных округов входит в администрацию Президента РФ. Для Северо-Кавказского федерального округа (или Северо-Кавказского макрорегиона) важен другой посыл: координация социально-экономического развития субъектов Российской Федерации будет осуществляться в рамках макрорегионов. Для СКФО это означает окончательное завершение идеи «округа нового типа», когда решение административно-политических и социально-экономических проблем осуществлялось как двуединая задача.

Юг России вступил в новый этап регионогенеза, когда меняется само представление того, что такое Северный Кавказ. Важно отметить, что границы Северного Кавказа никогда не совпадали с природными объектами, хотя были тем или иным способом ориентированы на них. В дореволюционный период чаще всего использо-

¹ Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года // Кодекс.ру. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420389221>.

² Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р // Консультант плюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=332771&fld=134&dst=100008,0&rnd=0.1506562223535628#0059640688084714455>.

валось понятие «Предкавказье». В годы первых пятилеток было проведено экономическое районирование страны, что имело большое значение в условиях плановой экономики. В числе других был создан Северо-Кавказский экономический регион, во многом определивший на десятилетия представление о том, что такое Северный Кавказ. Границы экономических регионов были быстро приведены в соответствие с административными границами и менялись вместе с ними. В Северо-Кавказский регион входили территории, исторически, географически и культурно выходявшие за рамки Предкавказья, — Ростовская область, которая должна была выступить «локомотивом» всего Северо-Кавказского региона.

Включение в 2000 г. в единый Южный федеральный округ наряду с традиционно понимаемым Северным Кавказом также Нижнего Поволжья изменило пространственную конфигурацию России на «южном фланге». Объединение в макрорегион «проблемного» Северного Кавказа и более благополучных территорий на Юге формировало новый образ Юга России и «южанина». Начала формироваться южнороссийская идентичность как региональный вариант общероссийской идентичности. Образование в 2010 г. Северо-Кавказского федерального округа остановило эти процессы. Проблемы, которые обсуждаются на собраниях и форумах Северо-Кавказского федерального округа, — борьба с терроризмом и экстремизмом, этнические отношения, религиозные проблемы и т. д. В Южном федеральном округе повестка формируется вокруг таких проблем, как инвестиционные проекты, создание новых предприятий, высокотехнологичные производства. Фактически на Юге России сложились два мира: религиозно фундированные традиционалистские общества в республиках Северного Кавказа и светский, модернизационно ориентированный мир на так называемых этнически русских территориях и в двух республиках. На наш взгляд, утверждение, что «в настоящее время наблюдается медленное, но уверенное, цивилизационное отчуждение Северного Кавказа от России (Литвинов, Журавель, 2018: 62), является чрезмерным, но определение новых границ макрорегионов закрепляет раскол между традиционализмом и модернизацией.

Традиционализм, фактически ставший основой социокультурной политики в республиках Северного Кавказа, стал одним из главных препятствий успешной реализации государственной национальной политики в регионе и в известной степени является источником межпоколенческого конфликта в северокавказских обществах (см.: Стародубровская, 2019: 108–110). Гипертрофированная этничность трудно сопрягается с задачами модернизации: приверженность этничности большой части населения региона характерна для домодерных обществ. Гуманитарная наука в регионе по-прежнему сконцентрирована на этнорегиональной проблематике, удревлении этнических корней, тем самым поставляя «теоретические обоснования» для периодически вспыхивающих территориальных претензий. Это противоречит доктринальным установкам на интеграцию, укрепление народного единства, формирование российской нации.

Несмотря на позитивный вектор в этнополитических процессах, эти тенденции пока не являются необратимыми. Нестабильность в регионе имеет циклический характер (Баранов, 2017), и ранее на Северном Кавказе возникали «этнополитиче-

ские тайм-ауты» (Аствацатурова, 2009: 116–117). В России, как и в мире, терроризм постоянно эволюционирует, с 2017 г. активизировались отдельные исламские группы (Олех, 2019: 34). Несмотря на деградацию радикального исламистского движения, на Северном Кавказе оно не искоренено, происходит криминализация банд-подполья, децентрализация бандформирований с повышением автономности их деятельности (Романченко, 2017: 54).

С 2018 г. началось осложнение этнополитической обстановки на Северном Кавказе. Обострились земельные споры, прежде всего в Республике Дагестан. Рост напряженности вызвало обсуждение и принятие в 2018 г. поправок к закону «Об образовании».

Осенью 2018 г. произошел кабардино-балкарский конфликт, связанный с празднованием юбилея Канжальской битвы. Актуализировавшийся тогда же чечено-ингушский территориальный спор привел в 2019 г. к затяжному политическому кризису в Ингушетии и смене высшего руководства республики. Начало 2020 г. ознаменовалось ростом недовольства со стороны национально-культурных лидеров и обществ и активным обсуждением предложенной поправки к Конституции России о «языке государствообразующего народа». Наиболее тревожными сигналами в этой череде событий являются кабардино-балкарский конфликт и чечено-ингушский земельный спор: оба конфликта не являются новыми или неожиданными для региональных и федеральных властей, однако открытая фаза этих конфликтов в 2018 г. оказалась более острой, чем предыдущие, и свидетельствует об утрате опыта конструктивного управления этнополитическими конфликтами. Сложившаяся в регионе система этнического распределения власти (этническое квотирование) дает паллиативный стабилизирующий эффект, но в долговременной перспективе закрепляет политический статус этничности (Адиев, 2018: 14), что является конфликтогенным фактором.

Произошедшие события, однако, не являются достаточными для изменения сценария развития региональной ситуации на негативный: важно учесть, что конфликты в конце второго десятилетия XXI в. не имели цепной реакции по Северному Кавказу, хотя такие прогнозы были достаточно частыми. Тем не менее исключение из новой редакции «Стратегии госнацполитики...» положения о том, что Северный Кавказ является регионом, требующим особого внимания государственных органов и дополнительных мер для достижения устойчивой стабилизации, является преждевременным.

Такое изменение обусловлено не только относительной стабилизацией в регионе, но и перемещением центра этнополитической напряженности в Поволжье, где языковая проблема потребовала непосредственной реакции главы государства. В настоящее время именно языковая проблема стала ключевой в этнополитических процессах в России и основным каналом манифестации межэтнической напряженности. Для Северного Кавказа языковая проблема не является острой, в регионе иная иерархия этнополитических и этносоциальных проблем. Важно также учесть, что основные линии напряжения в регионе концентрируются в профессиональной сфере, а не в сфере межэтнических отношений, как это было ранее

(Иванова, 2018: 202). Влияние религии становится все более ощутимым в различных сферах общества, происходит инструментализация религиозного фактора в муниципальных выборах (Шогенов и др., 2018). Эксперты отмечают, что религиозный экстремизм и терроризм стали наиболее опасной формой девиантного поведения молодежи (Юсупова, 2018: 227). В этом контексте необходимо доктринальное закрепление за Северным Кавказом статуса регионального приоритета российского государства. «Стратегией пространственного развития...» вводится важное понятие геостратегической территории Российской Федерации, и к одной из таких территорий отнесены все субъекты Федерации, расположенные на территории СКФО. Тем самым задача приоритетного внимания к северокавказскому региону частично решается.

Для достижения «коренного перелома» в экономическом базисе региона необходимы модернизация и новая индустриализация. Этот вывод был сделан еще в первые годы деятельности СКФО (Матишов и др., 2012: 30–32), сохраняет актуальность и в настоящее время. Безусловно, приходится делать поправку на состояние экономики всей России, крайне низкую динамику модернизационных процессов в масштабах страны и неясные перспективы выхода из кризиса после пандемии коронавируса и обвала цен на нефть. Несмотря на это, модернизацию и реиндустриализацию экономики региона необходимо рассматривать в качестве долговременных целей.

Однако упоминания модернизации и реиндустриализации Северного Кавказа все реже встречаются в официальных документах, они поддерживаются далеко не всеми экспертами, предлагающими саморазвитие Северного Кавказа в традиционных доходных сферах (Литвинова, 2018: 15). «Стратегией пространственного развития...» в качестве основных направлений социально-экономического развития субъектов РФ, относящихся к геостратегическим территориям Российской Федерации, расположенным на Северном Кавказе, рассматриваются развитие туризма, предпринимательская деятельность, традиционные народные промыслы, использование логистических преимуществ региона. Предусматривается содействие повышению мобильности трудовых ресурсов в целях снижения напряженности на локальных рынках труда, т.е. трудоустройства за пределами региона. При безусловной важности этих направлений экономической деятельности они вряд ли смогут изменить экономический климат региона и оказать стабилизирующее воздействие на социально-политические процессы.

О том, что экономическая модернизация не является утопией, свидетельствует опыт советской реконструкции Северного Кавказа: все автономные республики имели развитую и современную по меркам того времени индустрию, а Дагестанская АССР была одним из крупных центров ВПК в масштабах всей страны. Автономии имели развитую социальную структуру, научно-техническую интеллигенцию, крупные города были многонациональными и космополитичными в лучшем смысле слова центрами. Советская власть, осуществляя модернизацию региона, решала прежде всего социально-политические задачи: сделать социалистические преобразования необратимыми, создать опору советской власти — рабочий класс. Пути

новой индустриализации могут быть различными, например, через формирование индустриальных районов (Ситкевич, 2019: 87–88).

Таким образом, к концу второго десятилетия XXI в. Северный Кавказ перестал быть регионом конфликта, затяжной этнополитический кризис завершился. Однако коренных изменений в жизни региона, прежде всего в экономической сфере, не произошло, что не дает оснований считать позитивные тренды необратимыми. Проблемы, которые необходимо решать в регионе, — это проблемы всего российского общества, имеющие региональное преломление. Дальнейшая стабилизация или дестабилизация общественно-политической ситуации будет зависеть от того, каким образом российское государство и общество будут решать накопившиеся и новые проблемы, выходить из кризиса, вызванного пандемией коронавируса и обвалом цен на нефть. Но в любом случае развитие Северо-Кавказского макрорегиона должно быть важнейшим приоритетом региональной политики российского государства. В контексте нового этапа регионогенеза необходимо укреплять экономическое, социальное и культурное взаимодействие в рамках двух макрорегионов — Южного и Северо-Кавказского, развивать межрегиональные и проекты и формировать общее экономическое и гуманитарное пространство «Большого Юга».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авксентьев В.А., Васильченко В.А., Маслова Т.Ф., Лепилкина О.И. Этнополитические основания системного менеджмента на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014.

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д. Рискогенные факторы в этнополитической сфере Северного Кавказа. Научная мысль Кавказа, 2018, No. 4, 81–91. DOI:10/18522/2072-081-2018-96-4-81-91.

Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Лепилкина О.И., Шульга М.М. Северный Кавказ: нестабильная стабильность. Наука Юга России, 2017, 13 (1), 115–125. DOI:10.23885/2500-0640-2017-13-1-115-125.

Адиев А.З. Представительство этнических групп в органах власти как фактор социально-политической стабильности на Северном Кавказе. Ойкумена. Регионоведческие исследования, 2018, 4 (47), 7–16. DOI:10.24866/1998-6785/2018-4/7-16.

Аствацатурова М.А. Макрорегиональная этнополитология: некоторые обобщения в управленческом контексте. Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС, 2009, No. 3, 112–121.

Баранов А.В. Современный терроризм на Северном Кавказе: причины, формы проявления, направления противодействия. Общество: политика, экономика, право, 2017, No. 4, 9–14. DOI:https://doi.org/10.24158/rep.2017.4.1.

Иванова С.Ю. Пути гармонизации межэтнических отношений на Северном Кавказе: позитивные практики. Кавказология, 2018, No. 3, 199–208. DOI:https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-199-208.

Литвинов Н.Д., Журавель В.П. Северный Кавказ как территория деформации Российской государственности (по материалам Кавказских агентств). Юридическая наука: история и современность, 2018, No. 9. 47–68.

Литвинова Т.Н. Северный Кавказ в проектировании стратегии пространственного развития России: проблемы и возможности. Теория и практика общественного развития, 2018, No. 5. С 13–15. DOI:<https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.1>.

Матишов Г.Г. и др. (Ред.). Реалии многоукладного региона: потенциал обновления и препятствия развитию. Материалы расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (7 февраля 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012.

Матишов Г.Г. и др. (Ред.). Современное состояние и сценарии развития Северного Кавказа. Материалы расширенного заседания Ученого совета ИСЭГИ ЮНЦ РАН (29 июня 2010 г., Ростов-на-Дону). Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2010.

Олех А.К. Террористические акты в Российской Федерации. *International Journal of Anti-terrorism Studies*, 2019, 4 (1), 25–37. DOI:10.13187/ijats.2019.1.25.

Романченко Н. Структура и современные тенденции развития террористических религиозно-политических организаций на Северном Кавказе в постсоветский период. *Россия и мусульманский мир*, 2017, 6 (300), 43–58.

Ситкевич Д.А. Индустриальные районы: возможны ли они на Северном Кавказе? *Экономическое развитие России*, 2019, 26 (12), 85–91.

Стародубровская И.В. Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа. *Социология власти*, 2019, 31 (1), 91–113. DOI:10.22394/2074-0492-2019-1-92-113.

Шогенов М.З., Гуня А.Н., Чеченов А.М., Чемаев Н.А. Местное гражданское общество на Северном Кавказе и его роль в обеспечении стабильности (на примере Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии). *Caucasian Science Bridge*, 2018, 1 (1), 103–121. DOI:10.23683/2018.1.1.7.

Юсупова Г.И. Развитие новой общероссийской макроидентичности как фактор противодействия экстремизму и терроризму. *Евразийское Научное Объединение*, 2018, 10 (3), 226–228. DOI:10.5281/zenodo.1479746 <https://zenodo.org/record/1479746#XqWP8issueUk>.

REFERENCES

Avksentev, V., Vasil'chenko, V., Maslova, T., Lepilkina O. (2014). *Etnopoliticheskie osnovaniya sistemnogo menedzhmenta na Severnom Kavkaze* [Ethno-Political Grounds for Systemic Management in the North Caucasus]. Rostov on Don: Izdatel'stvo JuNC RAN.

Avksentev, V., Gricenko, G. (2018). Riskogennyye faktory v etnopoliticheskoy sfere Severnogo Kavkaza [Risk Factors and Situations in the Ethnopolitical Sphere of the North Caucasus]. *Scientific Thought of Caucasus*, no. 4, 81–91. DOI:10/18522/2072-081-2018-96-4-81-91.

Avksentev, V., Gritsenko, G., Lepilkina, O., Shul'ga, M. (2017). Severnyj Kavkaz: nestabil'naya stabil'nost' [The North Caucasus: Unstable Stability]. *Science in the South Russia*, no. 1, 115–125. DOI:10.23885/2500-0640-2017-13-1-115-125.

Adiev, A. (2018). Predstavitel'stvo etnicheskikh grupp v organah vlasti kak faktor social'no-politicheskoy stabil'nosti na Severnom Kavkaze [Ethnic power-sharing as a factor of socio-political stability in the North Caucasus]. *Ojkumena. Regional researches*, no 4, 7–16. DOI:10.24866/1998-6785/2018-4/7-16.

Astvatsaturova, M. (2009). Makroregional'naya etnopolitologiya: nekotorye obobshcheniya v upravlencheskom kontekste [Macro-Regional Ethnopolitology: Some Generalizations in a Managerial Context]. *State and municipal government. Scholarly notes of NCASS*, no. 3, 112–121.

Baranov, A. (2017). Sovremennyy terrorism na Severnom Kavkaze: prichiny, formy proyavleniya, napravleniya protivodejstviya [Modern terrorism in the North Caucasus: reasons, manifestations, counteraction directions]. *Society: politics, economics, law*, no. 4, 9–14. DOI:https://doi.org/10.24158/pep.2017.4.1.

Ivanova, S. (2018). Puti garmonizacii mezhetnicheskikh otnoshenij na Severnom Kavkaze: pozitivnye praktiki [Ways of harmonization of interethnic relations in the North Caucasus: positive practices]. *Caucasology*, no. 3, 199–208. DOI:https://doi.org/10.31143/2542-212X-2018-3-199-208.

Litvinov, N., Zhuravel, V. (2018). Severnyj Kavkaz kak territoriya deformacii Rossijskoj gosudarstvennosti (po materialam Kavkazskikh agentstv) [North Caucasus as a territory of deformation of the Russian statehood (based on the materials of the Caucasian agencies)]. *Juridical science: history and modernity*, no. 9, 47–68.

Litvinova, T. (2018). Severnyj Kavkaz v proektirovanii strategii prostranstvennogo razvitiya Rossii: problemy i vozmozhnosti [North Caucasus in the design of the spatial development strategy in Russia: problems and opportunities]. *Theory and practice of social development*, no. 5, 13–15. DOI:https://doi.org/10.24158/tipor.2018.5.1.

Matishov, G. (ed.) (2012). *Realii mnogoukladnogo regiona: potencial obnovleniya i prepyatstviya razvitiyu*. Materialy rasshirennogo zasedaniya Uchenogo soveta ISEGI JuNC RAN (7 fevralya 2012 g., Rostov-na-Donu) [Realities of a Multi-Layered Region: Potential for Renewal and Obstacles to Development: Materials of an Expanded Meeting of the Scientific Council of the ISEH of the SSC RAS (February 7, 2012, Rostov on Don)]. Rostov on Don: Izdatel'stvo JuNC RAN.

Matishov, G. (ed.) (2010). *Sovremennoe sostoyanie i scenarii razvitiya Severnogo Kavkaza*. Materialy rasshirennogo zasedaniya Uchenogo soveta ISEGI JuNC RAN (29 iyunya 2010 g., Rostov-na-Donu) [Current State and Scenarios of Development of the North Caucasus. Materials of the Expanded Meeting of the Scientific Council of ISEH of the SSC RAS (June 29, 2010, Rostov on Don)]. Rostov on Don: Izdatel'stvo JuNC RAN.

Olech, A. (2019). Terroristicheskie akty v Rossijskoj Federacii [Terrorist Attacks in the Russian Federation]. *International Journal of Anti-terrorism Studies*. 4 (1), 25–37. DOI:10.13187/ijats.2019.1.25.

Romanchenko, N. (2017). Struktura i sovremennye tendencii razvitiya terroristicheskikh religiozno-politicheskikh organizacij na Severnom Kavkaze v postsovetskij period [The structure and current trends of development of terrorist religious and political organizations in the North Caucasus in the post-Soviet period]. *Russia and the Moslem World*, 6 (300), 43–58.

Sitkevich, D. (2019). Industrial'nye rajony: vozmozhny li oni na Severnom Kavkaze? [Industrial districts: are the possible in the Northern Caucasus?] *Russian Economic Development*, 26 (12), 85–91.

Starodubrovskaya, I. (2019). Mezhpokolencheskie otnosheniya i social'nye transformacii na primere Severnogo Kavkaza [Intergenerational Relations and Social transformation: The Case of North Caucasus]. *Sociology of Power*, 31 (1), 91–113. DOI:10.22394/2074-0492-2019-1-92-113.

Shogenov, M., Gunya, A., Chechenov, A., Chemaev, N. (2018). Mestnoe grazhdanskoe obshchestvo na Severnom Kavkaze i ego rol' v obespechenii stabil'nosti (na primere Kabardino-Balkarii i Karachaevo-Cherkesii) [Local Civil Society and its Contribution to the Stability in the North Caucasus: the Example of Kabardino-Balkaria and Karachay-Cherkessia]. *Caucasian Science Bridge*, 2018, 1 (1), 103–121. DOI:10.23683/2018.1.1.7.

Yusupova, G. (2018). Razvitie novoj obshherossijskoj makroidentichnosti kak faktor protivodejstviya ekstremizmu i terrorizmu [Development of a new all-Russian macroidentity as a factor of counteraction to extremism and terrorism]. *Eurasian Scientific Association*, 10 (3), 226–228. DOI:10.5281/zenodo.1479746 <https://zenodo.org/record/1479746#.XqWP8issueUk>.